

УДК 81'42:[821:316.772.4]

**ОПЫТ ЛИНГВИСТИЧЕСКОГО АНАЛИЗА СЕМЕЙНОГО ДИСКУРСА
В ХУДОЖЕСТВЕННОМ ТЕКСТЕ
(НА МАТЕРИАЛЕ ПОВЕСТИ А.Н. ТОЛСТОГО “ДЕТСТВО НИКИТЫ”)**

А.Э. Гатина

Анализируется семейный дискурс в художественном тексте с точки зрения интегративного подхода к языку в процессе коммуникации как “языку в действии”.

Ключевые слова: семейный дискурс; коммуникативная ситуация; дискурс-анализ; речевой жанр; концепт; концептуальная информация; личный смысл.

**EXPERIENCE OF THE LINGUISTIC ANALYSIS OF FAMILY DISCOURSE
IN THE LITERARY TEXT (BY THE MATERIAL
OF A.N. TOLSTOY'S STORY "NIKITA'S CHILDHOOD")**

A.E. Gatina

The article analyzes family discourse in the literary text from the point of view of the integrative approach to language in the process of communication as a "language of action".

Keywords: family discourse; communicative situation; discourse analysis; speech genre; concept; conceptual information; personal meaning

Поэтическую речевую деятельность можно рассматривать как квинтэссенцию речевой деятельности.
А.Е. Супрун [1, с. 232].

В разных исследованиях, объясняющих понятие дискурса как речь в коммуникативной среде, нацеленную на организацию того или иного действия и социального взаимодействия, семейный дискурс относят к бытовой коммуникации, не регламентированной жесткими правилами, в отличие от институционального дискурса, который организован по строгим правилам общения, установленным в определенной сфере жизнедеятельности (например, дискурсы: педагогический, богословский, политический, деловой и др.) [2; 3; 4, с. 56–58].

В данной статье рассматривается то, как семейный дискурс отражен в художественном тексте. Цель исследования заключается в апробации и обосновании приемов дискурс-анализа применительно к семейному дискурсу. В частности, ставится задача определить, по каким признакам следует

проводить разбор такого материала? Какие значимые черты коммуникации в семейном общении исследователю (читателю, ученику) необходимо выделить и сформулировать или подразумевать, погружаясь в художественное пространство текста?

В ряде исследований анализируются жанры семейной коммуникации (такие, как бытовой разговор, объяснение в любви, семейная ссора, замечания родителей и проч.). Например, Я.Т. Рытникова разбирает отличительные черты бытового разговора и семейной беседы по ряду признаков, среди которых эмоциональная тональность, тематическая организация речи, доминирующая целеустановка высказываний, тип ситуации общения и степень близости говорящих [5, с. 167].

Мы исходим из предположения, что литература учит в том смысле, что образы художественного мира заряжают энергией того типа поведения, которое читатель из художественного текста транслирует в свою реальную жизнь. Художественное творчество относится к особому виду коммуникации, в котором автор и читатель взаимодействуют не напрямую, а посредством творческого

переосмысления языка, произведенного автором¹. Это творческие акты с обеих сторон. Автор моделирует свой субъективный образ мира в слове. Читатель интерпретирует высказывания автора, воссоздавая в своем воображении субъективный мир автора, и откликается на него со своей позиции. В этом процессе сотворчества, однако, не все спонтанно. Существуют каноны, условный код, который важен для интерпретации произведения (например, каноны жанра, литературного направления и др.).

Но в целом, всегда художественное произведение отражает некий обобщенный образ реальной действительности, в которой живет автор. Читатель, в свою очередь, соотносит этот воображаемый образ с той реальной действительностью, в которой он сам живет. Так происходит коммуникация субъектов литературного дискурса². Что же

¹ Так, анализируя концепцию диалогичности М. Бахтина применительно к дискурсу, В.Г. Борботько отмечает в ней идею непрерывности, преемственности дискурсивного процесса: «Внутренняя диалогичность монологической литературной речи... представляет собой явление более сложное, чем обмен репликами в диалоге... это не прямолинейно понимаемая коммуникативность... но прежде всего метод проникновения в тайны смыслового пространства дискурса и глубже – в тайны механизма рефлексии... позволяет диалогически осмыслить и внутреннюю организацию монологического литературного дискурса не как простое однонаправленное говорение его “последней инстанции” (авторского субъекта) ... ей могут быть подчинены разные “ипостаси”, “лики” самого автора» [6, с. 34–35].

² Оговорим здесь, что при исследовании литературного дискурса, когда художественный текст понимается как высказывание, мы отвлекаемся от специфических отличий дискурсивной и текстовой деятельности, которые важно акцентировать при рассмотрении живого диалога в практической коммуникации. Текстовую деятельность и дискурсивную деятельность относят к различным типам коммуникативных процессов, а именно, как отмечает И.Н. Борисова: «дискурсивная деятельность ориентирована на речевое действовање, на манифестацию речевого поведения, а текстовая деятельность ориентирована на создание продукта... Разговорный диалог есть продукт дискурсивной деятельности; фиксация потока спонтанного интерактивного адресованного поведения говорящих в условиях неофициального коммуникативного взаимодействия. Это неканонический текст... с особыми критериями нормального и аномального» [7, с. 138–141].

при этом “усваивает” читатель, примеряя образ художественной реальности к своей практической жизни? Это зависит, конечно, от “предпочтений” воспринимающего текст, от его умения истолковать “спрятанное” в структуре текста концептуальное содержание, от умения перевести прочитанный условный образ в категорию отношений между людьми в реальном мире (личностно-ситуативное осмысление³).

Чтобы понять, как представлен мир семьи в произведении, необходимо прежде всего обратить внимание на речь героев, а также на изложение их внутренних монологов, на описания их эмоциональных состояний восприятия. В структуре текста они, как отмечает Бабенко, составляют “эмоциональную доминанту” текста⁴ [9, с. 133]. В русском опыте отражено такое наблюдение про коммуникацию: У кого что болит, тот о том и говорит. Поэтому закономерно рассматривать речь героев, их впечатления и мысли, отраженные в их внутренней и внешней речи.

В художественном тексте через речевое поведение героев, изображение атмосферы общения и описание коммуникативной ситуации речевых актов раскрываются концепты, ценности, регулирующие поведение коммуникантов, как это представляет себе автор, т. е. в его образном субъективном мире. Поэтому, конечно, это мир семейных отношений, в понимании автора, его концепт семьи, в котором, однако, не могут не отражаться также и общенациональные и общечеловеческие культурные компоненты понимания семьи как сферы человеческой жизни. Как подчеркивает Л.Г. Бабенко, в литературно-художественном тексте осуществляется эстетическая концептуализация мира, проявляющаяся в том, что автор как творческая

³ Другими словами, читатель, интерпретируя текст, осуществляет когнитивные действия, становится субъектом собственной текстовой деятельности: «Одним из измерений дискурса является характеристика коммуникативных способов осмысления мира, в рамках этого измерения можно выделить герменевтический дискурс, суть которого состоит в истолковании неочевидного смысла...» [8, с. 237].

⁴ В структурном плане доминанту Р. Якобсон определяет как “фокусирующий компонент художественного произведения, она управляет, определяет и трансформирует отдельные компоненты... обеспечивает интегрированность структуры... специфицирует художественное произведение”. Л.С. Выготский также отмечает, что “в сложном целом всегда оказывается доминирующий момент, который определяет собой построение всего остального рассказа, смысл и название каждой его части” Цит. по: [9, с. 214–215].

личность, наряду с общепринятыми знаниями, привносит в представления о мире и свои частные, индивидуальные знания [9, с. 338–341].

Понятие художественного концепта соответствует мысли Д.С. Лихачева о том, что концепт является результатом столкновения словарного значения слова с личным и народным опытом человека и служит оперативной единицей “культурной памяти народа”, ментального лексикона. Концепт как мыслеобраз имеет “слоистую” структуру (с актуальными, общеизвестными, значениями и неактуальными, отражающими индивидуальные ассоциации человека).

Важно также отметить, что в концепте, кроме понятийных и образных компонентов смысла, “удерживаются” и ценностные “дискурсивно-закрепленные регулятивы поведения”, т. е. нормы и установки, специфичные в различных коммуникативных ситуациях [8, с. 152].

Семейный дискурс мы определяем как повседневное, ритуализированное речевое взаимодействие близких людей в непринужденной обстановке, с использованием литературного общедоступно-разговорного языка, допускающее также и снижено-разговорную и др. *нелитературные* разновидности языка (*например, сленг*) в различных речевых актах (как-то: в приветствии, побуждении, порицании и в др. типах речевых актов), *в зависимости от коммуникативной ситуации*.

Свободное непринужденное общение нечужих людей и неофициальность их речи как дифференциальный признак семейного дискурса осознается особенно при отступлении от этой нормы речевого поведения.

Ср.:

“У стола сидели матушка, Аркадий Иванович и вчерашняя девочка, лет девяти, сестра Виктора, Лиля. <...> Никита, подойдя к ней, покраснел и шаркнул ногой. Лилия повернулась на стуле, протянула руку и сказала очень серьезно: – Здравствуйте, мальчик. <...> *Лилия <...> окончила пить чай, вытерла рот салфеточкой, не спеша слезла со стула и, подойдя к Александре Леонтьевне, проговорила вежливо и аккуратно: – Благодарю вас, тетя Саша*”.

Или:

“– *Вам для чего эта коробочка, – вполголоса спросил Никита.*

– *Эта коробочка для кукольных перчаток, – ответила Лилия серьезно, – вы – мальчик, вы этого не поймете*”.

Обращения на “вы” в речевых актах: приветствия, благодарности и в сообщении – не приняты

в русском семейном дискурсе, так как устанавливают дистанцию в общении и маркируют эту отдаленность между коммуникантами, что мы и наблюдаем в приведенных примерах (на память приходят строки из стихотворения А.С. Пушкина “Ты и вы”: “Пустое Вы сердечным ты, она, обмолвись, заменила...”).

Семья – это мини-коллектив со своими тонкими отношениями и формами поведения. Потому особенно интересно то, какие семейные традиции неявно “управляют” человеком, когда он попадает в школьный коллектив, на работу, становится членом каких-то профессиональных и других групп, вступает в различные коммуникативные связи, помимо семьи. Как говорится, семья человеку первую путевку в жизнь дает. Она является не только экономической, но и базовой культурной ячейкой общества. И значительную роль в этом плане играет язык, через который транслируется идеология, формируется сознание ребенка и вырабатывается тот или иной тип поведения человека в общении.

В семье проговариваются “золотые правила” вежливости и другие нормы поведения (не дерзи старшим, заботься о младшем, ласковое слово и кошке приятно и проч.). В семейном дискурсе с малолетства ребенок слышит сказки о добре и зле, о правде и кривде, слышит разговоры старших о том, что происходит в мире взрослых, и в их речевом поведении, через интонацию, улавливает проявление нежности и грубости, уважения, доверия, уступчивости и так далее.

В семейной коммуникации ребенок усваивает речевые практики для разных ситуаций общения между близкими людьми, которые влияют на характер ребенка и впоследствии помогают (или мешают) его общению в других сферах жизнедеятельности. Поэтому лингвистическое исследование разных образцов семейного дискурса связано также с вопросами социологии и психологии. А литературные источники всегда более точны своей художественной правдой, обобщениями и наблюдениями, которые автор излагает в конкретных образах в произведении¹. Как говорил А.Е. Супрун, “поэтическую речевую деятельность можно рассматривать как квинтэссенцию речевой деятельности” [1, с. 232].

¹ Т.Ф. Плеханова замечает, что художественный текст “развивает чувство идентичности и общности, позволяя читателю отождествить себя с героями в определенных социальных позициях и переживать свою причастность, общность с той или иной социальной группой, разделяя их ценности” [11, с. 91].

В данной статье рассмотрим семейный дискурс в повести А.Н. Толстого “Детство Никиты”¹ [10].

Чтобы понять, каков кодекс поведения в семье, отраженный речью, выделяем следующие моменты:

1. Событийное пространство, в котором происходит коммуникация героев.
2. Каким образом язык связан с обстановкой и событием (т. е. в речи героев проявляется зависимость высказывания от ситуации).
3. Традиционное место встречи семьи.
4. В каких концептах какие ценностные приоритеты (идеологию) проговаривают участники дискурса; каковы ключевые слова в данном дискурсе.
5. В каких речевых актах обнаруживаются традиции семейных отношений.

В разных исследованиях особенности художественного дискурса прослеживаются либо в дискурсивно-диалогической перспективе, либо в аспекте соотношения текста и контекста (культурно-исторического или идеологического), его социальной структуры, нарративных правил и др. [11, с. 70–94]. В нашем разборе затрагиваются риторический, когнитивно-дискурсивный и дискурсивно-диалогический планы описания дискурса.

Дискурс всегда разворачивается вокруг события (по формуле Н.Д. Арутюновой, дискурс есть “речь, погруженная в жизнь”).

В тексте А.Н. Толстого главное событие, вокруг которого разворачивается дискурс, – знакомство мальчика Никиты с маленькой девочкой Лилей, дочерью матушкиной приятельницы, под рождество приехавшей со своими детьми в гости.

Очевидно, что в повседневной действительности семейные бытовые события принимают ритуализированные формы: утренний чай, обед, ужин, совместные дела днем, как-то организованный отдых, прием гостей по какому-то случаю, выезд из дома с какой-то целью и прочие мероприятия, сопровождающиеся речевой коммуникацией. Все участники этих событий – домочадцы – выполняют определенные роли, при этом переживают некие состояния и проявляют себя в речевом поведении.

¹ Повесть автобиографическая, была написана в 1919–1921 гг. (напечатана в журнале для детей “Зеленая палочка”). В книге представлены воспоминания А.Н. Толстого о своем детстве. Произведение посвящено сыну Никите (Никита Алексеевич Толстой, 1917–1994 – советский физик). В повести автор использовал имена реальных лиц: своего сына и своей матери (Никита, Александра Львовна).

Как начинается день мальчика Никиты в семье? Вот ребенок проснулся, что он видит: вокруг светло, сказочно и тихо. И только одна мысль его беспокоит: поскорее побежать кататься на новых салазках, которые ему смастерил плотник Пахом.

“Никита вздохнул, просыпаясь, и открыл глаза. Сквозь морозные узоры на окнах, сквозь чудесно расписанные серебром звезды и лапчатые листья светило солнце. Свет в комнате был снежно-белый. *С умывальной чашки скользнул зайчик и дрожал на стене.* <...> в доме было тихо, *никто еще, должно быть, не вставал*”.

Первая мысль Никиты такая:

“Если одеться в минуту, безо всякого, конечно, мытья и чищения зубов, *то через черный ход можно удрать на двор. А со двора – на речку. Там на крутых берегах намело сугробы – садись и леги...*”.

Ясно, что у ребенка в семье есть обязанности (умыться, почистить зубы, идти к завтраку и на урок), но, как видно, ему прощаются вольности, и он относительно свободно перемещается по дому и даже без спросу может бегать на улицу, к реке.

Однако мальчику не удается сбежать, потому что в доме есть учитель, который, играючи, следит за тем, чтобы у ребенка не нарушался распорядок дня.

“<...> *в комнату просунулась голова в очках. Голова подмигнула и сказала: Встаешь, разбойник?*”

Ключевые концепты² семейного дискурса: дом, дети, мать и отец, родной и близкий, свой и чужой.

Круг этих образов-понятий расширяется, когда мы исследуем феномен семейного дискурса, как бы “наблюдая со стороны”. Так, из повести-воспоминания А.Н. Толстого, лучше понимаем, что такое детство. Это ключевой концепт семейного дискурса в повести. Именем концепта названо произведение. Детство не только возраст. Прежде

² Общепризнанно, что в каждой культуре модель мира строится из ряда универсальных концептов и констант культуры (по определению Ю.С. Степанова, это “ячейки культуры”, “сгустки национально-культурных смыслов”). В.А. Маслова группирует концепты по идеографическому принципу: мир; стихия и природа; представления о человеке; нравственные концепты; социальные понятия и отношения, эмоциональные концепты; мир артефактов, концептосфера научного знания и т. д. [12, с. 53–70]. В семейном дискурсе “работают” концепты из разных представленных групп (социальные отношения, артефакты, мир, природа и др.).

всего, это состояние неизведанности и свободы. Живя в семье, ребенок ежедневно отрывает для себя что-то новое о себе, о семье, о мире. Детство – это пора ежедневных открытий внутри пространства, которое пока еще ограничено домом, двором, своей улицей. И это пора познания самого себя: своих новых чувств, ощущений, своих способностей, своего отношения к ближнему кругу людей, предметов, явлений. Главное из всех ощущений – чувство нежности и счастья. В семейном общении ребенок испытывает эти чувства со стороны старших и открывает их в себе по отношению к другим тоже. В повести раскрывается детство как состояние счастья.

Это состояние ребенок осознает, рассуждает о нем, когда наступают будни после праздника.

Ср.:

“Пролетели счастливые дни”. У Никиты заципало в горле от этих необыкновенно грустных, сейчас им выдуманных слов. *Чтобы не забыть их, он написал внизу под Америкой: “Пролетели счастливые дни”* – и, продолжая рисовать, повел реку Амазонку совсем уже не в ту сторону <...>”

“Проходя по плотине, Никита вспомнил, как он шел здесь ночью, после елки <...>. Почему тогда он так мало дорожил тем, что с ним случилось? Надо было тогда внимательно, закрыв глаза, почувствовать, – какое это было счастье. <...>”

“Посвистывал ветер над крышей. Никита стоял и думал, что вот он теперь один-одинешенек, его никто не любит, все не него сердятся <...>”

– *Господи, – проговорил Никита вполголоса, и сразу по спине пробежали холодные мурашки, – дай, господи, чтобы было опять все хорошо. Чтобы мама любила, чтобы я слушался Аркадия Ивановича... Чтобы вышло солнце, выросла трава <...> Господи, дай, чтобы мне было опять легко...*”

Если обратиться к анализу неречевого и речевого поведения участников семейного дискурса, то заключаем, что к ребенку в доме все относится с большой любовью, по-дружески и покровительственно. Мужик Пахом сделал мальчику скамейку-салазки, учитель Аркадий Иванович “обнял Никиту за плечи и повел в столовую”. Мать нежно приветствует его за приготовленным завтраком.

Столовая – место встречи семьи. Здесь уже отработан ритуал приветствия.

“<...> Она взяла Никиту за лицо, ясными глазами взглянула в глаза его и поцеловала:

– Хорошо спал, Никита?

Затем она протянула руку Аркадию Ивановичу и спросила ласково:

– А вы как спали, Аркадий Иванович?”.

Конечно же, в другом типе дискурса, например, в деловом общении, никто не станет приветствовать партнера словами: “Как спали?”.

Поведение старших в данной семье сдержанное, немногословное. За столом мать спокойно предупреждает мальчика, не ругает, но высказывает неодобрение:

“За чаем матушка сказала, что ночью был большой мороз <...>, и когда пойдут гулять, то Никите нужно надеть башлык.

– Мама, честное слово, *страшная жара, – сказал Никита*

– Прошу тебя надеть башлык.

– Щеки колет и душит, я, мама, хуже простужусь в башлыке.

Матушка молча взглянула на Аркадия Ивановича, на Никиту, голос у нее дрогнул.

Я не знаю, в кого ты стал неслухом?”.

Или:

“<...> проходившая мимо матушка взглянула на него, как всегда в эти дни, – внимательно, – строгими серыми глазами и вдруг нежно улыбнулась, провела ладонью Никите по волосам и сказала:

– Ну что – набегался? Хочешь чаю?”

Учитель всегда задорно и весело обращается к мальчику:

“Где ты, разбойник?... Ага, значит, ты все-таки здесь...”.

Или:

“Сегодня, братец ты мой, *заниматься не будем...* Две недели можешь бегать, высуня язык...”.

Отец в письме обращается к сыну в игровой форме, заинтригованно, при этом используя ситуацию в целях воспитания, зная, что письмо будут читать вслух, и ребенок будет слушать:

“Милая Саша, я купил то, что мы с тобой решили подарить одному мальчику, который, по моему, вряд ли заслуживает того, чтобы эту прекрасную вещь ему подарили. <...> Вещь довольно большая, поэтому пришла за ней лишнюю подводу”.

В рождественские каникулы старшие предоставляют мальчику полную свободу:

“Пошел бы ты погулять, Никита, в самом деле”.

В народе говорят: без семьи нет дома. Дом не просто место, где человек пребывает, где ему тепло и уютно. Атмосфера дома придает человеку чувство защищенности (мой дом – моя крепость), понимание того, что он не один в этом мире, что

у него есть “корни” (под крышей дома своего), и вызывает переживание причастности к семейной истории. В каких-то семьях часто пересказываются события из жизни бабушек и дедушек, от старших к младшим передаются семейные реликвии, фотографии и т. д.¹

Концепт “дом” неосознанно прививается с запахами и звуками, с лучами утреннего света в комнате и снами. Например, когда в столовой пахнет “горячим хлебом, сдобными лепешками”, “от светло вычищенного самовара идет пар”; “в коридоре тепло и уютно пахло печами”.

Как чувствует себя мальчик Никита в доме? Об этом в повести есть отдельная главка “Старый дом”.

Однако еще до описания впечатлений мальчика о доме, в тексте уже частично представлена атмосфера дома и пространственный мир в восприятии ребенка. Читатель, уже знает, что в доме у мальчика есть своя комната с окном, которая наполняется солнечными лучами света (Свет в комнате был снежно-белый...). В доме есть столовая и стол с самоваром (У стола за самоваром сидела матушка...). Есть сени (в сенях замерзла вода в кадке), крыльцо (сбежал с крыльца по хрустящим ступенькам). Есть также черный ход (через черный ход можно ударить на двор), широкий двор (Широкий двор весь покрыт сияющим, белым, мягким снегом). Во дворе каретник, сарай и скотные дворы, а также людская (побежал через двор к людской, откуда на лиловый снег падал свет двух замерзших окошек) и сад (побежал по дороге вдоль сада). Парадная дверь в доме, очевидно, большая, тяжелая (Вдруг в доме хлопнула дверь, и послышалось, как по коридору идут в мерзлых валенках). В отдельной классной комнате ребенок занимается с учителем (В большой пустой и белой комнате, где на стене висела карта двух полушарий, Никита сел за стол...). Вечером семья собирается в комнате, где есть большая печь, круглый стол с большой лампой. (За круглым столом под большой лампой сидели с книгами матушка и Аркадий Иванович. За большой печью – *тр-тр, тр-тр* – пилил дровяшечку сверчок...). Есть еще темная комната с половицей (Потрескивала в соседней темной комнате половица) и зал с паркетным полом (<...> легко,

¹ В.А. Маслова отмечает, что концепт дом входит в ядро языкового сознания, рассматривается в мире артефактов: “Дом – организующий центр мира в русской культуре: люди извлекают некоторые знания из подвалов памяти и движутся вверх по служебной лестнице, переходя со ступеньки на ступеньку... С родным домом связано позитивное переживание...” [12, с. 234–235].

неслышно отворяется дверь в зал. На паркете лежат голубоватые отражения окон).

Весь этот пространственный мир, окружающий ребенка, живой и разнообразный, наполнен светом, цветом и звуками. Автор использует для описания этого пространства глаголы звукового и зрительного восприятия, оценочные прилагательные и наречия (они подчеркнуты в примерах).

В отдельной главе автор изображает огромный просторный дом с множеством комнат, с зимней и летней, с запахом яблок, половинками, который хранит таинственную историю семьи. Память о предках, живших в этом доме, старшие оберегают, сохраняя их старые книги, портреты, и в рассказах о жизни прауродителей. Все западает в душу ребенка.

“Никита дошел до крайней угловой комнаты. Здесь вдоль стен стояли покрытые пылью шкафы, сквозь их стекла поблескивали переплеты старинных книг. Над изразцовым очагом висел портрет дамы удивительной красоты <...>. Он мог так сидеть и глядеть на нее подлогу. *Из-за нее* – он не раз это слышал от матери – с его прадедом произошли большие беды.<...> Матушка рассказывала, *что прадед* обыкновенно днем спал, а ночью читал и писал, – гулять ходил только в сумерки. <...> Дела прадеда были совсем плачевны. <...> Причину всех этих странных явлений была дама в амазонке. Никита глядел на нее с любопытством и волнением.<...> *За оком* опять появилась ворона <...> – каркала. Никите стало жутковато. *Он выбрался из пустых комнат и побежал на двор*”.

Важная составляющая в семейном дискурсе связана с ритуалами и традициями, которые складываются в той или иной семье. Если вспомнить русские пословицы о семье, то станет понятным, что в каждой отдельно взятой семье много своеобразного².

Чужая семья – темный лес. В большой семье зубами не щелкают. В своей семье всяк сам большой. Всякий мирянин своему брату семьянин. Муж и жена как два сапога – пара. Яблоко от яблони недалеко падает; и др. [13].

Семейные ценности закрепляются традиционными совместными действиями, например, подготовкой к праздникам, семейными обедами, совместным отдыхом и др. Все эти действия сопровождаются разговорами, рассказами, речевыми поступками. Мальчик Никита старается поближе

² Можно также назвать прецедентный текст из романа Л.Н. Толстого “Анна Каренина”: “Все счастливые семьи похожи друг на друга, каждая несчастливая семья несчастлива по-своему”.

познакомиться с гостьей во время собирания игрушек на елку.

– Что вы клеите? – спросил Никита.

Лиля, не поднимая головы, улыбнулась, вырезала из золотой бумаги звездочку и наклеила ее на синюю крышечку.

– Вам для чего эта коробочка? – спросил вполголоса Никита.

– *Эта коробочка для кукольных перчаток*, – ответила Лиля серьезно. <...>. Она подняла голову и поглядела на Никиту синими строгими глазами”.

Рождественская елка – пожалуй, самый главный семейный праздник. Во время подготовки к празднику все объединены общим делом. Мужики едут за живой елкой. Дети вместе со старшими готовят игрушки для украшения елки. По традиции украшения готовят заранее.

“С большого стола в столовой убрали скатерть. Матушка принесла четыре пары ножниц и стала заваривать крахмал<...>”.

Дети старательно мастерят поделки. Старшие тоже относятся к этому серьезно.

Такое действие подогревает ожидание праздника. А рассказы взрослых придают значительность происходящему событию¹.

“Дети начали работать молча, дыша носами, вытирая крахмальные руки об одежду. Матушка в это время рассказывала, как в давнишние времена елочных украшений не было и в помине и все приходилось делать самому. Были поэтому такие искусники, что клеили – она сама это видела – настоящий замок с башнями, с винтовыми лестницами и подъемными мостами. Перед замком было озеро из зеркала, окруженное мхом. По озеру плыли два лебедя, запряженные в золотую лодочку. Лиля, слушая, работала тихо и молча <...>”.

Косвенно-прямая речь в данном контексте придает авторскому сообщению изобразительный характер, создает эффект звучащей речи, воспринимаемой детьми. Подробность, с какой автор отображает происходящее, мотивируется той главной

¹ Нормы поведения вырабатываются в общении, приобретая определенную ценность. Как объясняет В.В. Красных, “применительно к культуре норма – это некое устойчивое образование, которое задает образцы и стандарты поведения и тем самым определяет модели поведения человека... через систему ценностей осуществляется регуляция человеческой деятельности. Ценности непосредственным образом связаны с культурой.. ...” [14, с. 92–93].

идеей, что для детского восприятия всякая деталь в событии может оставить неизгладимый след.

В такие моменты зарождаются новые переживания, открываются таланты, эмоции переполняют, льются наружу.

Вот радостно, с песнями, хороводом и чаем, отпраздновали елку. Никита пошел провожать детей на плотину.

“Никите казалось, что он идет во сне, в заколдованном царстве. Только в зачарованном царстве бывает так странно и так счастливо на душе <...>”.

Такие моменты счастья от нахлынувшего чувства обязательно отразятся в сознании ребенка, “прольются” в его речи.

“Глядя на узоры, Никита почувствовал, как слова какие-то сами собой складываются и поют <...>: Уж ты лес, ты мой лес, Ты волшебный мой лес. <...>”.

– *Знаешь*, – сказал Никита, – *в этих стихах лес один описывается. Это лес такой, что его нельзя увидеть, но все про него знают <...>*”.

В первой части повести Толстого, рассказывающей о знакомстве Лили и Никиты в преддверии праздника и о самом празднике, ситуация с рождением стихотворения и осознанием ребенком того, что он прикоснулся к какой-то новой тайне познания мира, на наш взгляд, является кульминационной. Еще одна значимая коммуникативная ситуация в тексте, демонстрирующая важность близких и доверительных отношений в семейном общении, когда самое сокровенное – первые стихи, рожденные от переполнявших чувств, мальчик вручает понравившейся ему девочке.

“Собрав все присутствие духа, он проговорил:

– Это тоже вам, – *вытащил из кармана смятую, сложенную в восемь раз бумажку*, где были написаны стихи про лес, и подал ее Лиле.

Она развернула, стала читать, шевеля губами, и потом сказала задумчиво:

– Благодарю вас, Никита, эти стихи мне очень нравятся”.

Исследование коммуникативных процессов в реальной действительности или в художественном дискурсе проясняет, что механизмы повседневного общения в семье “заводятся” чувствами, происходящими в человеческой душе. Недаром говорят: Ссора в семье до первого взгляда. На что клад, когда в семье лад. И, тем не менее, как важно в жизни уметь выразить признательность, симпатию, любовь и нежность словами и поступками, уметь с благодарностью оценить чувства другого человека, особенно в общении с близкими людьми. Этому учит литература.

Таким образом, выделив по ряду признаков в дискурсе: коммуникативные ситуации, события, ключевые понятия (концепты детство, дом), речевые высказывания участников семейного дискурса – и соотнеся их содержание с коммуникативной авторской целеустановкой (название текста, структурирование речевых контекстов художественного текста), мы попытались акцентировать внимание на том важном свойстве семейного дискурса (речевого и неречевого взаимодействия в семье), которое характеризуем как непринужденное общение между близкими и родными людьми.

Литература

1. Супрун А.Е. Лекции по теории речевой деятельности / А.Е. Супрун. Минск: Фонд Сороса, 1996. 287 с.
2. Осиновская Л.М. Особенности педагогического дискурса в русской и американской лингвокультурах / Л.М. Осиновская // Вестник Московского университета. Сер. 19. Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2012. № 1. С. 154-162.
3. Сергеева Е.В. Бог и человек в русском религиозном дискурсе / Е.В. Сергеева. СПб.: Наука, САГА, 2002. 192 с.
4. Кашкин В.Б. Введение в теорию коммуникации / В.Б. Кашкин. Воронеж, 2000. 175 с.
5. Рытникова Я.Т. Беседа семейная / Я.Т. Рытникова // Антология речевых жанров: повседневная коммуникация. М.: Лабиринт, 2007. С. 162–173.
6. Борботько В.Г. Принципы формирования дискурса: от психолингвистики к лингвосинергетике / В.Г. Борботько. М.: ЛИБРОКОМ, 2009. 288 с.
7. Борисова И.Н. Русский разговорный диалог: структура и динамика / И.Н. Борисова. М.: ЛИБРОКОМ, 2009. 320 с.
8. Карасик В.И. Языковая кристаллизация смысла / В.И. Карасик. М.: Гнозис, 2010. 351 с.
9. Бабенко Л.Г. Лингвистический анализ художественного текста: теория и практика / Л.Г. Бабенко, Ю.В. Каразин. М.: Флинта: Наука, 2004. 496 с.
10. Толстой А.Н. Детство Никиты / А.Н. Толстой. Петрозаводск: Карелия, 1978. 111 с.
11. Плеханова Т.Ф. Дискурс-анализ текста: пособие для студентов вузов / Т.Ф. Плеханов. Минск: ТетраСистемс, 2011. 368 с.
12. Маслова В.А. Когнитивная лингвистика: учеб. пособие / В.А. Маслова. Минск: ТетраСистемс, 2004. 256 с.
13. Русские пословицы и поговорки / под ред. В.П. Аникина. М.: Худож. лит., 1988. 431 с.
14. Красных В.В. Словарь и грамматика лингвокультуры; Основы психолингвокультурологии / В.В. Красных. М.: Гнозис, 2016. 496 с.
15. Алефиренко Н.Ф. Лингвокультурология: ценностно-смысловое пространство языка / Н.Ф. Алефиренко. М.: Флинта, Наука, 2012. 288 с.